

**Военнопленные Великой Армии и губернские власти
(по документам канцелярии Слободско - Украинского
гражданского губернатора)**

Автор этих строк уже обращался к проблеме пребывания военнопленных наполеоновской армии в Слободско-Украинской губернииⁱ. Однако значительное количество материала осталось за пределами первой публикации, что побудило вернуться к теме еще раз.

В 1812—1815 гг. в Харькове и уездных городах Слободско-Украинской губернии содержалось на жительстве несколько сот военнопленных солдат и офицеров Великой Армии, среди которых были бригадные генералы Г. Ферье и Д. Дзевановский. Кроме того, в несколько раз большее число пленных проследовало через губернию — сначала в плен, затем на родинуⁱⁱ. Появление сотен иностранцев, естественно, сказалось на привычном ритме жизни провинциальной губернии, доставило немало хлопот как ее руководству, так и рядовым обывателям. В свою очередь, образ жизни и занятия местного населения наложили отпечаток на поведение находившихся там солдат и офицеров наполеоновской армии. Наша цель — показать, как жили, чем занимались пленные, их контакты с властями и местными жителями, чтобы представить плен, так сказать, в «человеческом измерении».

Прежде всего необходимо уяснить, куда попали военнопленные, что представлял собой Харьков и окрестности в ту далекую эпоху. В начале XIX в. губернский центр был не самым большим городом губернии. По числу жителей обоего пола (в 1812—1814 гг. их было немногим больше 12 тыс.) он уступал уездным Ахтырке и Валкам и лишь чуть превосходил Сумы и Лебединⁱⁱⁱ. Впечатление, которое Харьков производил на приезжего нельзя назвать благоприятным. «Улицы в нем, — писал современник, — неправильны, немощены, грязны; хороших домов, исключая 2-3, не находится, а построения сделаны или из мазанок, или из брусев, и оный ни мало на великороссийский город не походит...»^{iv} Харьков был в то время крупным торговым центром юга России, здесь проходили в год 4 ярмарки и многочисленные торги. Поэтому «возы и лошади во все сии времена стоят по площадям и улицам, а от сего не только все улицы, но и площади так унавожены, что от несносной пыли в сухое время с великою трудностью по ним ходить можно, а в мокрое, по причине невероятной грязи, проходить нет никакой возможности»^v. Сильная загрязненность имела следствием высокую смертность среди горожан. В интересующие нас годы она превышала 7% их численности^{vi}. Забегая вперед отметим, что, к счастью, последнее обстоятельство минуло военнопленных, вероятно по причине того, что большая часть их размещалась в уездных городах, а максимальное количество пленных в губернском городе едва превышало сотню человек^{vii}. В таких условиях французским и польским офицерам, солдатам Данцигского гарнизона пришлось провести от нескольких месяцев до двух лет.

Надзор за содержанием и поведением военнопленных был возложен на губернские власти в лице губернатора И. И. Бахтина, харьковского полицеймейстера фон Эка, командира местного гарнизонного батальона подполковника Н. Шарапова. В своих действиях эти чиновники руководствовались инструкциями, поступающими от главнокомандующего в С.-Петербурге и управляющего Министерством полиции С.К. Вязмитинова. Эти инструкции жестко регламентировали все стороны жизни военнопленных. Так, циркуляр от 5 декабря 1812 г. обязывал губернатора «предписать гг. городничим тех городов, где они находятся будут, иметь их под неослабным надзором полиции и не позволять им никакой ни с кем переписки, с тем чтобы все на их имя получаемые и от них на почту отправляемые письма были непременно доставляемы для рассмотрения к вашему превосходительству»^{viii}.

Другой циркуляр (от 16 декабря) касался содержания военнопленных, «Содержание пленных, при определенном им жизненном пространстве, продовольствии и одежде, должно более всего быть осторожнее со стороны их жилищ и сообщения с обывателями как при следовании в пути, так и при водворении в местах назначенного им пребывания. Пленные для общей безопасности, в разсуждении нанесения болезни, не должны с жителями иметь никакого близкого сообщения...»^{ix} Таким образом, в соответствии с вышеприведенными и другими указаниями из столицы военнопленные обречались на изоляцию, как от связей с внешним миром, так и от контактов с местными жителями.

Особую заботу российские власти проявляли о снабжении пленными одеждой, соответствующей времени года. Этому был посвящен циркуляр (от 19 ноября 1812 г.), содержавший положение об одежде и обуви для «проводимых до мест назначенного пребывания пленных в зимнее время». Согласно документу, пленным полагалось снабдить шапкой из простого сермяжного сукна, овчинным полушубком, сермяжным кафтаном, такими же штанами, рубашкой, онучами, рукавицами и лаптями. Инструкция «поставляла в обязанность» губернатору «сколько возможно употребить хозяйственных способов, таким образом, чтобы и одежда им доставляема была прочная и от стужи сберегающая; а в тоже время и интерес казенной соблюден». Очевидно, в целях соблюдения казенного интереса допускалось, чтобы предметы верхней одежды могли быть «хотя бы и не новые, но крепкия, к носке годныя и просторныя»^x.

Эти обязанности тяжелым бременем ложились на бюджет губернии. Что касалось конвоирования и надзора за военнопленными, то в губернии попросту не было необходимого

количества чиновников, чтобы обеспечить их в соответствии с требованиями из С.-Петербурга. В Харьковском гарнизонном батальоне, на который ложилась главная обязанность по конвоированию пленных, согласно рапорту его командира, на 14 апреля 1813г. налицо имелось всего 9 обер-офицеров, 21 унтер-офицер и 211 рядовых, чего было явно недостаточно^{xi}. Попытки привлечь местных дворян к службе по охране военнопленных, как правило, заканчивались неудачей.

В соответствии с циркулярами из столицы, губернатор, в свою очередь, направлял соответствующие распоряжения уездным чиновникам. Велся тщательный учет прибывших и убывших пленных, сведения предоставлялись дважды в месяц с указанием рода войск, звания и национальности^{xii}.

Порой власти проявляли заботу не только о материальной стороне жизни пленных, но и о духовной. Обер-прокурор Св. Синода А. Голицын в августе 1813 г. запрашивал губернатора о количестве и национальности содержащихся здесь пленных с целью снабдить их книгами Ветхого и Нового Заветов на французском, немецком, итальянском и голландском языках от С.-Петербургского Библейского общества^{xiii}. Между тем, забота о душевном состоянии военнопленных была не лишней. Тяготы отступления, долгое пребывание в плену, вдали от друзей, родственников, вообще соотечественников, вынужденная бездеятельность «людей войны», к которым, вероятно, относилось большинство пленных, приводило порой к нервным расстройствам, выливалось в повышенную агрессивность в отношении окружающих.

В сентябре 1813г. слуга генерала Ферье Дитболон «впал в распутство и начал делать безпорядки до такой степени, что господин Ферье не мог уже далее иметь его при себе». «Безпорядки» заключались в том, что Дитболон «отрубил саблею пальцы крестьянину прапорщика Шестопалова» за что попал под суд и генералу потребовался новый служитель^{xiv}.

Ахтырский городничий жаловался на поднадзорного 37-летнего поручика Юзефа Кемпинского, который своим поведением вызывал неоднократные жалобы товарищей по несчастью и местных жителей. Его часто замечали в нетрезвом виде. В июле 1813 г. он затеял ссору с одним пленным офицером, закончившуюся поединком, за что попал под суд. Но неугомонный Кемпинский в декабре затеял новый поединок с другим из своих товарищей. Очевидно, окончательно рассорившись с соотечественниками, Кемпинский обратился с просьбой о принятии его в российское подданство. Получив отказ, он стал просить о переводе в Харьков, так как другие пленные «в свое сообщество не принимают и при всякой встрече стараются оказать ему многие неприятности и недобротства, а еще и более он опасается потерпеть от них, когда узнают о неисполненном его желании». Ахтырский городничий был не прочь избавиться от беспокойного поляка. Он писал губернатору: «Предвижу содержание его в подведомственном мне городе между людьми с коими он во вражде неудобным». Губернатор приказал перевести Кемпинского в Лебедин^{xv}.

Но и в этом уездном городе было неспокойно. В феврале 1814 г. оттуда поступила жалоба польских офицеров на пятерых своих товарищей «которые не только своей собратий навлекают стыд и поношение будучи всегда в пьянстве и драках...»^{xvi}

Издавна Слободская Украина пользовалась привилегией вольного винокурения. Этот промысел занимал второе за земледелием место в занятиях населения. Обилие дешевого и легкодоступного спиртного привело к тому, что пьянство и пьяные дебоши среди военнопленных стали весьма распространенным явлением. «Беспрестанно обращались в пьянстве» и упомянутый Ю. Кемпинский, и содержащийся в Купянске Юзеф Баневский, капитан Петр Шервинский из Лебедина и многие другие, а в Волчанске неумеренное употребление горячительных напитков привело к курьезному инциденту, одним из виновников которого стал пленный поручик Франциск Рутковский. В один из дней начала июля 1813г. в трактире, где, очевидно, был завсегдатаем, он повстречал отставного поручика Кияницына, «бывши в пьяном образе один другому противуречили в неверных их разговорах». Выставленные из трактира, сабутьльники «разошлись с неудовольствием». После чего, вернувшись на квартиру, Рутковский сообщил товарищам, что намерен идти к городничему и объявить Кияницына шпионом, что и сделал, нимало не смущаясь тем обстоятельством, что было 2 часа ночи. Городничему уже доложили о пьяных похождениях Кияницына и Рутковского и он не велел пускать последнего. Тогда поручик стал угрожать бить окна. В результате он был схвачен и посажен под арест, а утром отпущен с предупреждением, что нельзя пьяному ходить ночью. Рутковский тут же написал жалобу губернатору на действия городничего. Губернатор отвечал, что «никакого удовлетворения» сделать не может, а городничему поручил передать Рутковскому «чтобы он как от обращения в ночное время, так равно и от подачи подобных не дельных просьб воздержался под опасением строгого взыскания»^{xvii}.

Примерно в то же время в канцелярию губернатора поступила жалоба польских офицеров Марчевского и Урбанского на доставившего их в Харьков поручика Белявского, в том, что он «в продолжение пути поступал с ними не так как прилично с обер-офицерами», а именно: вязал им назад руки и сажал в колодки^{xviii}.

От Белявского были потребованы объяснения и он сообщил, что Марчевский и Урбанский в г. Минске разбили главное караульное помещение и были посажены на гауптвахту, где побили стекла и «караульного офицера брали за груди». В Чернигове Урбанский грубил начальнику партии «и называл дураком», будучи пьяным военнопленному капитану Опалинскому нанес обиду — порвал рубаху и вызывал на поединок, подпоручику Бажанку чубуком разбил лоб до крови, поручику Бобчинскому подбил глаз. Наконец, уже на Харьковщине в с. Дергачи, оба офицера «учинили бой» хозяину квартиры, где остановились на отдых, в связи с чем Белявскому пришлось заплатить за ущерб 2 рубля^{xix}.

Очевидно, подобные случаи не были единичными, о чем свидетельствовал циркуляр главнокомандующего в С.-Петербурге еще от 5 сентября 1812 г.: «Доходят сюда частые слухи, что партии французских пленнх на пути через места чрез кои препровождаются, чинят разные обиды обывателям, оказывают неповиновение конвойным командам, самовольно отлучаются и разными буйствами и неистовыми поступками вселяют страх в поселян и возмущают спокойствие»^{xx}. Циркуляр требовал употребить «все зависящие меры» к прекращению подобных беспорядков, а нарушителей дисциплины брать под стражу. В соответствии с чем дебоширы Марчевский и Урбанский проделали часть пути до Харькова в колодках.

Случались, хотя и редко, побеги военнопленных. В июне 1813 г. из партии польских пленнх в 240 человек, направлявшейся в Георгиевск, бежало 3 человека. Вскоре все они были отысканы — один в Ахтырке, двое в Богодухове. В Ахтырке были обнаружены еще 6 человек, которые объявили, что находятся здесь в услужении у своих товарищей^{xxi}.

За попытку побега военнопленным грозила отправка в отдаленные города Сибири^{xxii}. Тем не менее их решимость на подобные отчаянные поступки, вероятно объяснялась желанием оказаться в компании соотечественников. Этот мотив вообще характерен для поведения пленнх. Весной 1814 г. польские офицеры, содержащиеся в г. Изюм, обратились к властям с просьбой назначить им служителей из числа военнопленнх, конвоируемых через Изюм в Георгиевск. Вероятно, ими руководило желание облегчить участь товарищей, отправляемых на далекий и дикий Кавказ. В просьбе было отказано «не имея на такой случай предписания от главного начальства»^{xxiii}.

Документы канцелярии Слободско-Украинского гражданского губернатора, освещающие разные стороны жизни военнопленнх наполеоновской армии, позволяют сделать вывод о том, что проявляя заботу о материальной стороне быта военнопленнх, власти оставались глухи к ходатайствам, касавшимся контактов военнопленнх как с внешним миром, так и между собой. Запрет переписки, ограничение контактов обрекали военнопленнх на изолированное положение, что для многих из них служило источником душевных страданий. Следует заметить, что находясь на содержании государства, подавляющее большинство пленнх не имело необходимости обеспечивать себя работой, да, вероятно, и не знало никакой иной профессии, кроме военной. Вынужденное безделье в провинциальной глуши, отсутствие связи с внешним миром, ограниченные контакты с товарищами, доступность и дешевизна спиртных напитков формировали то морально-психологическое состояние, которое приводило к фактам неадекватного, в том числе и агрессивного поведения военнопленнх.

Примечания

ⁱ Потрашков С. В. Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Материалы VII Всероссийской конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1998. С. 143-150.

ⁱⁱ Там же. С. 144.

ⁱⁱⁱ Багалея Д., Миллер Д. История города Харькова за 250 лет его существования. В 2 т. Харьков, 1905. Т. 2. С. 114.

^{iv} Там же. С. 2.

^v Там же. С. 92.

^{vi} Там же. С. 93.

^{vii} Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 3. Оп. 23. Д. 307. Л. 60, 61; Оп. 20. Д. 8. Л. 58.

^{viii} ГАХО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 800. Л. 117.

^{ix} Там же. Л. 128, 129.

^x Там же. Л. 88.

^{xi} Там же. Д. 16. Л. 39.

^{xii} Там же. Д. 799. Л. 107-109.

^{xiii} Там же. Оп. 20. Д. 182. Л. 1.

^{xiv} Там же. Д. 59. Л. 5, 6, 18.

^{xv} Там же. Оп. 19. Д. 12. Л. 33; Д. 13. Л. 26; Д. 14. Л. 59.

^{xvi} Там же. Д. 13. Л. 52, 53.

^{xvii} Там же. Оп. 20. Д. 59. Л. 1-7.

^{xviii} Там же. Оп. 19. Д. 4. Л. 3, 4.

^{xix} Там же. Л. 6-8.

^{xx} Там же. Д. 800. Л. 34.

^{xxi} Там же. Оп. 20. Д. 32. Л. 2-8.

^{xxii} Там же. Д. 145. Л. 8.

^{xxiii} Там же. Оп. 19. Д. 13. Л. 90, 91.